

РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

REVIEWS. SCIENTIFIC FORUMS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

EDN: IRSAGW

Рецензия на монографию:

Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge, 2024. 106 p. = Рочфорд Ф. Экологическое лицо: новые направления в юриспруденции. Абингдон, Оксон [Великобритания]; Нью-Йорк: Раутледж, 2024. 106 с.

Е.В. Алферова , **Е.В. Скурко**

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), г. Москва, Российская Федерация
 ealf@list.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Поступила в редакцию: 3 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 июля 2024 г.

Для цитирования:

Алферова Е.В., Скурко Е.В. Рецензия на монографию: Rochford F. Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge, 2024. 106 p. = Рочфорд Ф. Экологическое лицо: новые направления в юриспруденции. Абингдон, Оксон [Великобритания]; Нью-Йорк: Раутледж, 2024. 106 с. // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 3. С. 685–693. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

© Алферова Е.В., Скурко Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Review of the monograph:
Rochford F. (2024) Environmental Personhood:
New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge**

Elena V. Alferova , **Elena V. Skurko**

Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ealf@list.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors' contribution: inseparable co-authorship.

Received: 3rd June 2024

Accepted: 15th July 2024

For citation:

Alferova, E.V., Skurko, E.V. (2024) Review of the monograph: Rochford F. (2024) Environmental Personhood: New Trajectories in Law. Abingdon, Oxon [UK]; New York: Routledge. *RUDN Journal of Law*. 28 (3), 685–693. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-685-693>

В 2024 г. в издательстве Раутледж в рамках серии «Новые траектории в юриспруденции» вышла в свет рецензируемая книга Франсин Рочфорд, адъюнкт-профессора Университета Ла Троба (Австралия), посвященная концепции признания окружающей среды «экологическим лицом». Речь идет о придании статуса «юридического лица» окружающей среде и ее отдельным компонентам, создании новых правовых средств защиты окружающей среды, а также о расширении субъектов прав и обязанностей, предусмотренных национальным законодательством государств.

Идея наделить окружающую среду правосубъектностью и социально-правовая концепция придания ей такого статуса – новая в юриспруденции. Однако, как показали исследования, в законодательстве некоторых зарубежных стран встречаются случаи придания правового статуса отдельным компонентам окружающей среды – рекам, озерам, паркам, деревьям и др. – статуса «экологического лица». По мнению сторонников этой концепции, такой подход к окружающей среде создает стратегические преимущества при ее защите. Как следует из содержания книги, Ф. Рочфорд придерживается позиции, что «движение за признание отдельных объектов природы “экологическим лицом” ... может оказать трансформирующее воздействие на право и позволяет с альтернативной точки зрения взглянуть на содержание национального и международного права». Наделение чертами «индивидуальности» нечеловеческих (non-human) форм с неясными и изменчивыми границами и отсутствие у них возможности самостоятельно отстаивать свои «права» либо нести обязанности создают, по ее мнению, как концептуальные, так и практические трудности для правоприменителей в отношении таких «субъектов» (p. 1).

Исходя из такого подхода, Ф. Рочфорд прежде всего обращается к традиционной концепции правосубъектности и на этой основе пытается ответить на вопрос: является ли придание правосубъектности окружающей среде и ее компонентам полезным решением и позволит ли это решить современные экологические проблемы:

«Вправе ли мы использовать здесь понятие «лицо» («person») в юридическом или в совершенно ином, далеком от юридического, смысле?» (р. 2).

Работа состоит из пяти глав. Первая и последняя структурированы как введение и заключение. В гл. 2 содержится комплексный историко-культурный анализ юридических представлений о правосубъектности, понятии «юридическое лицо» («legal person»), и, с этой позиции автор оценивает, насколько современные обстоятельства и некоторые реализуемые в различных правовых системах концепции «экологической индивидуальности» способствуют антропоцентрическому построению устойчивого развития. Глава 3 содержит подборку тематических исследований юридической защиты окружающей среды в Эквадоре, Новой Зеландии, Индии, США и Австралии, представленной в формах, характерных для юридического лица. Юридическая защита «экологического лица» в указанных странах строится на разных правовых источниках – от национальных конституций и других законодательных актов до прецедентного права и международных договоров. В гл. 4 дан критический анализ известных подходов по наделению окружающей среды (в целом или частично) статусом «юридического лица»: рассматриваются ключевые противоречия между концепциями придания правовых форм «экологическому лицу» и традиционным правопониманием, сложившимися ценностями и понятиями в соответствующих правовых системах. В заключительной главе автор приводит аргументы в пользу комплексности подходов к развитию правовой охраны окружающей среды.

Заслуживает внимания позиция автора, объясняющая основной мотив ее обращения к этой теме – кризис экосистемы, возникший в результате антропоцентрического использования окружающей среды; ее разрушение затрагивает как человеческие, так и «нечеловеческие» жизненные интересы.

Следует согласиться с Ф. Рочфорд, утверждающей, что рост населения на планете, увеличение его плотности в крупных городах и регионах, индустриализация и урбанизация наносят потенциальный ущерб экосистеме, и прежде всего – ущерб людям или их интересам, проживающим в экономически развитых странах. Например, загрязнение тяжелыми металлами в результате деятельности промышленно-вредных предприятий считается одним из наиболее опасных загрязняющих факторов. Юридические подходы по устранению такого рода воздействий можно увидеть в нормах общего права и законах об охране окружающей среды многих стран мира. Эти правовые инструменты дополняются другими неправовыми механизмами, такими как этические кодексы добросовестного поведения либо руководящие принципы из наилучших практик. Регулирование функционирования рынка также способствует тому, чтобы потребители отдавали предпочтение экологически чистому производству, транспортировке, упаковке. В связи с этим традиционное право, развивающееся как в рамках прецедентов, так и в законодательства, на сегодняшний день уже во многом регулирует вопросы, касающиеся ограничения действий, наносящих ущерб окружающей среде (р. 6).

Справедлива позиция автора, что при принятии решений по вопросам, требующим баланса между потребностями человека (а также его желаниями) и экосистемой, приоритет, почти неизбежно, будет отдаваться интересам наибольшего числа затронутых этой проблемой людей, а в кризисных ситуациях предпочтение будет отдано текущим потребностям перед будущими. Такие решения могут носить как единовременный, так и системный характер. В связи с этим автор приводит ряд примеров. Так, расчистка земель для снижения риска возникновения пожаров теперь

разрешена во многих частях Австралии. Такой подход отменяет или ограничивает ранее действовавшую правовую политику, направленную на предотвращение уничтожения местной растительности. Другой пример – ст. 86А(1) Закона Австралии о водных ресурсах 2007 г. определяет приоритет насущных потребностей человека, включая использование крупных инженерных проектов для забора воды из водохранилищ и ее транспортировки даже из засушливых районов в столичный Мельбурн.

Следует заметить, что общесистемные и фундаментальные изменения, подобные тем, которые выдвигаются сторонниками, с одной стороны, «интересов природы» и, с другой – формирования «экологического лица» окружающей среды или ее элементов, реализуются сегодня путем внесения изменений в законодательство, которые предварительно проходят общественные обсуждения, консультации со специалистами, научные экспертизы и т.п. Такой подход позволяет учитывать «экологические интересы» и «экологические ценности» при принятии законов.

Исследование, проведенное автором, показывает, что расширяющийся спектр последствий изменения климата приводит эоактивистов различных стран к отказу от традиционных информационно-пропагандистских мер и перенесению их борьбы в судебные инстанции, а также предпочтению представлять петиции с требованием о юридическом решении острых вопросов охраны окружающей среды, включая климат. Однако именно такой способ судебного решения проблемы защитники окружающей среды нередко рассматривают как препятствие на пути к существенной экологической реформе. Объясняет это автор тем, что в большинстве правовых систем существуют сложные правила признания «правоспособности» субъекта. Они предусматривают наличие у заявляющего иск лица достаточного интереса в том или ином вопросе для возбуждения судебного процесса. Действующие правила различны в зависимости от типа судебного иска и юрисдикции, но они, в принципе, являются выражением сбалансированности прав и интересов по ходу рассмотрения дел в судах. Вместе с тем существующие процедуры могут не предусматривать возможность подачи судебного иска исключительно по экологическим соображениям, а в большинстве правовых систем, как известно, ни деревья, ни животные не имеют правоспособности.

Именно в этом автор видит источник, насколько можно судить из контекста книги, возникновения идеи «экологического лица», т.е. признания правового статуса «юридического лица» за окружающей средой, которое обеспечит для нее набор прав и позволит этически подойти к решению данного вопроса. В связи с этим вызывает научный интерес то, какие вопросы, порой острые, формулирует автор, как то: чьи права, в ряду признаваемых правовыми системами субъектов права, будут преобладающими – человека, природы, общественных или коммерческих организаций и др.; кто может стать «представителем» интересов окружающей среды, которая «не может говорить сама за себя»; как следует отбирать этих «представителей»; почему они считаются более подходящими, нежели те, которые формируются через традиционные демократические процедуры представительства.

Справедливо утверждение Ф. Рочфорд, что «лицо» («person») – термин, недостаточно точный, чтобы его использовать и сформулировать понятие и передать в нем значение слова «правосубъектность», имеющее сложные смысловые нагрузки, связанные с концепциями науки, религии, политики и философии. Кроме того, это понятие изменчиво во времени, отличается в разных культурах и даже внутри них. Пересекающиеся с концепцией «лица» такие понятия, как «гражданин» или

«субъект», еще больше усложняют понимание сути правосубъектности окружающей среды и ее составляющих объектов природы.

Принимая выражение «экологическое лицо», важно указать, что формулировка понятия «прав» такого «лица» может скрывать политико-экономический аспект запрашиваемых мер защиты, и в некоторых случаях она может быть использована для обхода существующих законных требований и ограничений об использовании государственных средств и других общественных ресурсов при определении приоритетов между различными защищаемыми законом правами и интересами и проч.

Позитивно то, что автор обращает внимание на различное юридическое, политическое и философское значение и смысл терминов, отражающих одно и то же явление, и замечает, что сегодня использование правовых средств экоактивистами нередко приводит к разрушению традиционно сложившихся правовых категорий. Общеизвестно, что закон является консервативной силой, и, хотя он может использоваться для реагирования на экологические вызовы и угрозы, закон мало склонен к радикальным изменениям. Современные же коммуникативные возможности приводят к тому, что сохранение таких постулатов, как «юридическое лицо», в их традиционном понимании становится практически невозможным.

Общепринятые свойства или характеристики юридического лица, в том числе правосубъектности, включают в себя его способность предъявлять иски и быть привлеченным к ответственности, владеть и распоряжаться имуществом и самостоятельно заключать договоры. Это права структурируются вокруг экономических интересов, и они могут быть закреплены за «искусственными» юридическими лицами, такими как корпорации или органы власти, которые могут быть «правосубъектны» в объеме, установленном законодательством.

В связи с этим представляет определенный интерес примеры из Индии, где идолам был присвоен статус юридического лица, чтобы пожертвования, сделанные божеству, оставались «на его имени» (*Йогендра Натх Наскар против комиссара по подоходному налогу, Калькутта, 1969*). и Новой Зеландии, где «экологическое лицо» со статусом юридического лица было создано в отношении национального парка, управляемого правительственным учреждением и т.п.

Тем не менее, современный импульс к переменам в данном вопросе возникает не столько потому, что существующие механизмы юридически не способны защитить окружающую среду, сколько в силу того, что существует некоторая неудовлетворенность результатом: подтекст движения за признание «экологической индивидуальности» в праве в отношении окружающей среды заключается в том, что искомая защита направлена на оспаривание решений правительства или других административных органов, принятых в ущерб или способных причинить ущерб окружающей среде. То есть создание системы правоохранительного характера вокруг «экологического лица», замечает автор, способно повысить приоритетность этих «индивидуальностей».

Следует согласиться с Ф. Рочфорд, что движение в защиту «экологического лица» сегодня вышло за рамки вопроса о «правоспособности» компонентов окружающей среды и стремится к более широкому спектру мер защиты и концепций, вытекающих из международного права, а не только внутреннего законодательства и судебной практики. Эта тенденция, предполагает автор, еще усилится: окончательная доработка проекта «Всеобщей декларации прав рек» (*Universal Declaration of*

River Rights) придаст дополнительный импульс соответствующим законодательным изменениям на всех уровнях (р. 31).

В настоящее время уже несколько стран придерживаются позиции, что природа или ее части в той или иной форме обладают юридической субъектностью. Правосубъектностью наделяются не только животные, но и реки, озера, высокогорья, джунгли, леса, ледники, экосистемы и Мать-Земля или самая Природа. Последствия признания «юридического лица» в каждом конкретном случае различны и вытекают из принятых судебных решений, законодательства или конституционных положений в различных правовых контекстах. В случаях, когда принимались законодательные решения, касающиеся конкретных экосистем, это изначально расценивалось как совершенно новый шаг, способный коренным образом изменить их правозащиту. Однако, как правило, это была избыточная правовая реакция. Например, «права природы» (rights for nature) были признаны в Новой Зеландии (река Вангануи), Канаде (Мутешекау-шип/река Магпи), Австралии (река Ярра), Эквадоре (река Вилькабамба и Пачамама/Мать-Земля), Уганде («Природа»), Боливии (Пачамама/Мать-Земля), Панаме и Испании (лагуна Мар-Менор). Однако эти объекты природы не обязательно наделяются индивидуальными правами (personhood rights), хотя могут рассматриваться живой формой существования материи – «живым существом» (a 'living entity'). В других случаях суды признали «юридическими лицами», например, реки Ганг, Ямуна и Аtrato, Магдалена, Каука, Рио-де-ла-Плата, Коэльо, Комбейма, Кокора и Отун. Однако в некоторых случаях такие решения были оспорены в апелляционном порядке, так что «параметры» заявленного «лица», с точки зрения истцов, остаются неясными (р. 40).

Одна из ключевых проблем, рассматриваемых в книге, – вызов современного эоактивизма антропоцентрическому представлению о человеческом праве как о служении только людям. Наряду с этой позицией существует идея концептуализации прав человека лишь как части интегрированной (эко)системы, – причем не обязательно самой важной ее части. Одни защитники природы и окружающей среды утверждают, что права природы стоят на первом месте, за ними следуют права человека, а затем права общества; другие – что сегодня в мире наблюдаются процессы антропоморфизации природы, персонификации деревьев, очеловечивания животных и анимизации людей и т.п.

Здесь важно обратить внимание на то, как автор искусно пытается рассмотреть идею «экологического лица» через призму правового плюрализма. Казалось бы, этот демократический институт является естественным сопутствующим элементом правовых систем, опирается на онтологию и учитывает мировоззрение коренных народов, проживающих в данном государстве, которые могут отличаться от позиции государства. Это выражается в общем сдвиге в государственно-правовой структуре в сторону признания прав групп коренного населения на автономию, включая самоуправление и самоопределение, в том числе в случае признания правосубъектности в отношении компонентов окружающей среды. Именно здесь, полагает автор, возникает иная форма плюрализма, которая расширяет антропоцентрическое понимание окружающей среды и обращает внимание государства на развитие «права Земли» («Earth-law»). Такого рода «экоцентрический» плюрализм практически неотличим в своей аргументации от правового плюрализма; это, в свою очередь, оправдывает многие из существующих претензий на формирование правосубъектности у окружающей среды – ее «экологического лица (индивидуальности)».

Свою точку зрения автор подкрепляет интересными и редкими примерами. Так, в Эквадоре легитимность «экологического лица» «Матери-Земли» напрямую основана на онтологии коренных народов страны. Такой нарратив служит борьбе коренных народов за охрану окружающей среды. То есть опыт, знания и понимание конкретных экосистем корректируют концепции и представления, заложенные в основы современных правовых системы. Однако следует согласиться с автором, что вряд ли основательным будет утверждение, что понимание культур коренных народов предпочтительнее, например, научных открытий или что религиозное отношение к окружающей среде ведет к наилучшему экологическому результату (р. 77–78). В связи с этим примечательна ремарка Ф. Рочфорд о том, что признание притязаний коренных народов на объекты окружающей среды является, по сути, ответом на пережитки колониальной политики прошлого. Тот факт, что тезис об антиколониализме используется в качестве инструмента пропаганды в защиту «прав окружающей среды», не лишен, по мнению автора, иронии (р. 78).

Можно было бы предположить, что все коренные народы согласны с идеей «экологического лица» окружающей среды, однако здесь явно происходят некоторые деформации известных правовых доктрин. Изучение вопросов окружающей среды «через призму колониализма» неудивительно, учитывая его доминирование в интеллектуальной (включая юридическую) мысли в последние десятилетия. Однако попытки совместить постколониальные идеи с эгоцентризмом не обязательно приводят к созданию когерентной системы. В частности, постколониальные выгоды от добывающей и сельскохозяйственной промышленности, развития инфраструктуры, возникающие вследствие эксплуатации окружающей среды, для постколониальных государств были бы существенно уменьшены в случае применения эгоцентрических оговорок (правил).

Сопоставляя предполагаемые «права» «экологического лица» с правами коренных народов на процветание за счет использования своих национальных ресурсов для участия в современной рыночной экономике, автор приходит к существенному выводу о том, что аргумент в пользу «экологического лица», даже основанный на особенности бытия коренных народов, является весьма проблематичным. Этот вывод распространяется и на стратегически беднейшие сообщества в том смысле, что эти сообщества могут объединиться с экологическими группами для принятия мер по предотвращению разрушения местных экосистем (например, в результате добычи полезных ископаемых или обезлесения), что может позитивно отразиться на росте уровня средств к существованию у местных сообществ. Однако есть множество примеров, когда обедневшее местное сообщество, получив полномочия, скорее использует ресурсы своей собственной окружающей среды, чтобы вырваться из бедности.

Таким образом, если наделение окружающей среды правоспособностью имеет целью создание «равноправных отношений, в которых каждая сторона имеет ту же ценность, что и другая», или «диалог между различными эпистимологиями», то возникает вопрос свободы воли: кто уполномочен выступать от имени нечеловеческих объектов окружающей среды / Природы в правовом поле, на чем основана такая возможность и как ее реализовать? И здесь, важно обратить внимание на эмоциональное восклицание автора: «На человеческую деятельность полагаются как на „рупор“»

окружающей среды, что с неизбежностью порождает проблему „перевода“ („делегирования“) представительства интересов Природы человеку и возможность потенциального наступления непреднамеренных и весьма негативных последствий даже от благонамеренных сторонников такого рода «представительства» (р. 81). Существует множество правовых, политических и экономических инструментов, используемых для решения проблем загрязнения или истощения ресурсов, борьбы с изменением климата. Полезность идеи «экологического лица», позволяющей решить проблемы охраны окружающей среды, можно оспорить.

Для подтверждения своей точки зрения автор приводит необычный пример неудачной попытки использовать судебный процесс для придания реке Колорадо статуса «юридического лица» (*Colorado River Ecosystem vs Colorado, 2017*). В этом процессе суд установил, что истец «преувеличил дихотомию между «экологическим лицом» – рекой Колорадо – и правом собственности, одновременно преувеличил ее потенциал и недооценил богатые и разнообразные имущественные взаимоотношения, возможные в рамках концепции собственности в общем праве...» (р. 90). То есть суд указал, что ссылаться на такое «лицо», как река Колорадо, в данном случае малопродуктивно, постольку если рассматривать реку в категориях «вещи» – то существует больше правовых инструментов ее защищать.

Таким образом, исследование Ф. Рочфорд показывает, что концепция «экологического лица» в праве, ее развитие и применение еще неясны. Однако понятно то, что различные механизмы привязки такого «лица» к окружающей среде можно рассматривать как трансформацию представлений о праве и «правосубъектности». Вместе с тем идея признания форм «экологического лица» в праве для отличных от человеческой личности явлениям появилась не случайно, тому причина – кризис экосистемы, возникший в результате антропоцентрического использования окружающей среды, а также понимание того, что разрушение экосистемы затрагивает как человеческие, так и «нечеловеческие» интересы.

Полагаем, что заявленная тема данной монографии – весьма амбициозна, а поставленные акценты представляют собой сложный набор порой противоречивых философских, юридических и практических вопросов, с которыми сталкиваются сторонники «экологического лица». Вместе с тем эти вопросы не являются непреодолимыми, поскольку понятие «лица» концептуально изменчиво и присваивание такому «лицу» правосубъектности вряд ли обеспечит ему больше защиты, чем это делает конкретная правовая система посредством многочисленных законодательных инструментов. Наделение правосубъектностью окружающую среду сопряжено с риском манипулирования на «зеленой повестке», что часто наблюдается в политических и общественных ответах на экологические проблемы. Полагаем, придание значимости «правам Природы» для улучшения экологических результатов не является безоговорочной и требует широкого обсуждения и исследования.

Несмотря на остро дискуссионные вопросы, рассмотренные в данной монографии, ее научное и практическое значение в том, что сегодня человек озабочен сохранением природы даже таким необычным способом, как присвоение ее объектам статуса правосубъектности, и «консервативный» закон – на примере ряда стран – может стать прогрессивным, признавая реки, озера, парки «экологическим лицом» = «экологической индивидуальностью».

Сведения об авторах:

Алферова Елена Васильевна – кандидат юридических наук, заведующая отделом правоведения, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-код: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Скурко Елена Вячеславовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ORCID: 0009-0004-1139-951X

e-mail: e.skurko@mail.ru

About the authors:

Elena V. Alferova – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Jurisprudence, Leading Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovskiy avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1630-1070; SPIN-code: 8179-7888

e-mail: ealf@list.ru

Elena V. Skurko – Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 51/21 Nahimovskiy avenue, Moscow, 117418, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-1139-951X

e-mail: e.skurko@mail.ru